

Нарративы и контрнарративы в информационно-психологическом противоборстве России и Запада¹

Пашенцев Е. Н.^{1, 2, *}, Колотаев Ю. Ю.², Панцеров К. А.²

¹ Дипломатическая академия Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация;

² Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* e-mail: icspsc@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5487-4457

РЕФЕРАТ

Государства давно используют нарративы в информационно-психологическом противоборстве как стратегический инструмент формирования общественного восприятия и воздействия на политическую реальность. Нарративы помогают осмысленно упорядочить информацию, создавая коллективную идентичность и ориентируя общество на определенные сценарии будущего. Контрнарративы, в свою очередь, выступают ответными реакциями на доминирующие дискурсы, обеспечивая создание альтернативных интерпретаций событий и действий. Конфликтное дискурсивное пространство между Россией и Западом представляет собой наглядный пример подобного противоборства. **Цель.** Статья направлена на репрезентацию конфликтного дискурсивного пространства России и Запада через призму ключевых нарративов и контрнарративов, начиная с 2022 г., а также на систематизацию нарративных практик обеих сторон для лучшего понимания природы современного информационно-психологического противоборства. **Методология.** Исследование опирается на сочетание качественных и количественных методов. Качественную составляющую образует дискурс-анализ, основанный на выявлении слов-маркеров и базовых концептуальных метафор в публичных выступлениях и постах социальных сетей. Количественный аспект строится на многоступенчатом анализе постов в социальной сети «ВКонтакте», собранных при помощи Python-парсера. Источниковую базу составляют работы российских и зарубежных исследователей, а также открытые публикации западных центров в сфере информационного противоборства. **Результаты.** Выявлено и структурировано, что базовой концептуальной метафорой российского нарратива является многополярность как достойная и необходимая замена гегемонистскому миропорядку, тогда как западный нарратив строится на образе России как агрессора и угрозы международной стабильности. Эмпирический анализ данных «ВКонтакте» подтвердил доминирование в российском информационном пространстве нарративов специальной военной операции, а также антиколониальных и многополярных дискурсов. **Выводы.** Нарративы и контрнарративы являются ключевым инструментом информационно-психологического противоборства. Они не только легитимизируют политические действия государств, но и формируют устойчивые дискурсивные конструкции, воздействующие на восприятие событий широкой аудиторией. Стремительное развитие цифровых технологий и становление субъектно-субъектной коммуникативной среды существенно усложняют конструирование и распространение нарративов, что делает их системный мониторинг необходимым условием разработки эффективных коммуникативных стратегий.

¹ Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 116471555.

Ключевые слова: дискурс-анализ, стратегические коммуникации, нарративная война, Россия, коллективный Запад, цифровые платформы, многополярность

Для цитирования: Пашенцев Е. Н., Колотаев Ю. Ю., Панцеров К. А. Нарративы и контрнарративы в информационно-психологическом противоборстве России и Запада // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 3. С. 141–152. EDN: KOFEHS

Narratives and Counter-Narratives in Psychological Warfare between Russia and the West

Evgeny N. Pashentsev^{a, b, *}, Yury Yu. Kolotaev^b, Konstantin A. Pantserov^b

^a Diplomatic Academy of the Moscow State Institute of International Relations of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russian Federation

^b Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

* e-mail: icspsc@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5487-4457

Abstract

States have long employed narratives as a strategic instrument in psychological warfare, shaping public perception and influencing political reality. Narratives help to meaningfully organize information, forging collective identity and orienting societies toward visions of the future. Counter-narratives, in turn, serve as responses to dominant discourses, offering alternative interpretations of events and actions. The conflicting discursive space between Russia and the West represents a vivid illustration of this dynamic. **Aim and tasks.** This article aims to examine the conflicting discursive space between Russia and the West through the lens of key narratives and counter-narratives starting from the year 2022, and to systematize the narrative practices of both sides to better understand the nature of contemporary psychological warfare. **Methods.** The study draws on a combination of qualitative and quantitative methods. The qualitative component consists of discourse analysis focused on identifying marker words and conceptual metaphors in political speeches and social media posts. The quantitative component is based on a multi-stage analysis of “VKontakte” posts collected using a Python-based parser. The source base includes works by Russian and foreign researchers, as well as openly available publications from Western institutions specializing in psychological warfare and narrative conflict. **Results.** The study identifies and structures the core conceptual metaphors of each side: the Russian narrative is built around multipolarity as a legitimate and necessary alternative to a hegemonic world order, while the Western narrative frames Russia as an aggressor and a threat to international stability. Empirical analysis of VK data confirmed the dominance in the Russian information space of narratives related to the special military operation, as well as anti-colonial and multipolar discourses. **Conclusions.** Narratives and counter-narratives constitute a central instrument of psychological warfare: they not only legitimize the political actions of states but also produce durable discursive structures that shape how events are perceived by broad audiences. The rapid development of digital technologies and the emergence of a subject-to-subject communicative environment significantly complicate narrative construction and dissemination, making systematic monitoring and analysis an essential prerequisite for developing effective communication strategies.

Keywords: discourse analysis, strategic communications, narrative warfare, Russia, collective West, digital platforms, multipolarity

For citation: Pashentsev E. N., Kolotaev Yu. Yu., Pantserov K. A. Narratives and Counter-Narratives in Psychological Warfare between Russia and the West // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 141–152. (In Russ.) EDN: KOFEHS

Введение

Государства уже давно применяют нарративы в информационно-психологическом противоборстве. Нарративы формируют наше видение конкретного объекта или субъекта, помогают осмысленно упорядочить реальность, сформировать коллективную идентичность и создать нормативные ориентиры для будущих сценариев развития. Каждое движение вперед опирается на тот или иной нарратив, который является не только интерпретацией прошлого, но и проекцией будущего.

Нарративы в информационно-психологическом противоборстве направлены на разрушение имеющих в обществе объединяющих структур, лишение их единой идеологической и информационно-психологической основы, провоцирование социально-политических конфликтов у противника. Доктор А. Маан, руководитель экспертного объединения США в области нарративных войн «Нарративные стратегии»¹, считает, что один из видов конфликтных нарративов, а именно военный, «пытается подорвать цивилизацию оппонента, его идентичность и волю путем порождения сложности, беспорядка, политических и социальных расхождений»². Подобный нарратив используется в различных по масштабу видах информационного противоборства и неизменно содержит деструктивную составляющую.

Угроза целевого конфликтного нарратива вынуждает государства заниматься ответной деятельностью, созданием альтернативного информационного фона, выраженного в контрнарративе. Вместе нарратив и контрнарратив создают пространство информационного противоборства со всей совокупностью циркулирующих в нем идеологем. Подобная ситуация отражает современный многоуровневый конфликт между Россией и Западом, который в дополнение к вопросам экономического и политического противоборства имеет наиболее яркое проявление в информационной сфере. Именно здесь кристаллизуются идейные и идеологические различия, закладывающиеся в рамки полярных нарративов.

Цель статьи состоит в репрезентации конфликтного дискурсивного пространства России и Запада через призму ключевых нарративов/контрнарративов. Для раскрытия темы настоящей статьи использованы исследования как российских [1; 3; 4; 18], так и зарубежных специалистов [11; 13; 15; 17; 19], включая открытые публикации западных центров в области информационного противоборства и нарративных войн [14].

Методологически исследование основывается на сочетании качественных и количественных методов. К первым следует отнести дискурс-анализ, опирающийся на слова-маркеры и базовые или концептуальные метафоры, идентифицируемые, в частности, в текстах постов в социальных сетях или публичных выступлениях. Принцип их отбора строится на нарративных «связках» как в отдельных текстовых фрагментах, так и в интертекстуальном пространстве. Интертекстуальное восприятие метафор позволяет также определить использующие их контрнарративы.

Количественный аспект работы строится на многоступенчатом анализе постов в социальной сети «ВКонтакте», собранных посредством написанного на языке программирования Python парсера, суть которого заключается в следующем:

- собранный контент разбивается на отдельные приведенные к своей изначальной форме слова-токены;
- проводится частотный анализ токенов, который позволяет выявить наиболее часто встречающиеся в текстовой коллекции слова, формирующие в своей совокупности устойчивые словосочетания;
- слова, выявленные на этапе 2, кластеризируются при помощи средства визуализации WordCloud;
- производится анализ полученного распределения наиболее часто встречающихся в текстовой коллекции слов на предмет выявления устойчивых словосочетаний и словоформ, которые и представляют собой господствующие в обществе нарративы, посвященные конкретной проблематике.

¹ NS Narrative Strategies [Электронный ресурс]. URL: <https://www.narrative-strategies.com/about> (дата обращения: 07.12.2025).

² Insight: Interview with Dr. Ajit Maan, Narrative Strategies [Электронный ресурс] // Defence and Intelligence Norway. 2018. URL: <http://www.etterretningen.no/2018/03/17/insight-interview-with-dr-ajit-maan-narrative-strategies/> (дата обращения: 07.12.2025).

Результаты исследования направлены на структурирование имеющихся нарративных практик для лучшего понимания природы современного информационно-психологического противоборства.

Информационная неопределенность, пропаганда и современные нарративные конфликты

В наиболее широком смысле под нарративом следует понимать связанное информационное текстовое пространство, описывающее явления социальной жизни в последовательной причинно-следственной и темпоральной связи. Будучи прежде всего способом организации информации, нарратив влияет на восприятие политической реальности, а также сконцентрирован вокруг конкретного события [6]. Исследования нарративов включают широкий круг авторов — классиков философии и политологии [7; 9; 10], а также охватывают междисциплинарные исследования на стыке медиакоммуникаций, социологии и политических наук.

В международных отношениях нарративы используются для легитимизации действий и стратегий государств. Они могут формировать восприятие конфликтов, создавая фреймы для конкретных событий [12; 16]. Таким образом, нарративы создают связанную дискурсивную структуру, на основании которой происходит социальная конвергенция. В свою очередь, контрнарративы являются реакцией на доминирующие «истории», предоставляя альтернативные интерпретации, к примеру, из-за односторонности их подачи. Это формирует основу для информационно-психологического противоборства, где каждая из сторон отстаивает свою точку зрения.

Пространство активного формирования нарративов пересекается с полем пропаганды, т. е. процесса намеренного донесения «истории» до ключевой аудитории. При этом понятие «пропаганда» используется здесь в нейтральном смысле, как форма активного нарратива с целостной информационной структурой. В такой ситуации в основу пропагандистского нарратива обычно включены базовая концептуальная метафора, донорская зона (предмет метафоры или «элемент значения»), реципиентная зона (содержание нарратива или затрагиваемая область объекта), коннотация, а также нарративное соотношение «Мы» / «Они» [2, с. 395].

Деконструкция процесса формирования нарратива в его пропагандистском смысле показывает наличие множества этапов в процессе конструирования, включая выбор события на основе собранной информации, создание (конструирование) логических связей, языковое или символическое обрамление (фрейминг) и итоговое распространение. Дополнительным этапом становится восприятие и его интерпретация субъектом информационного влияния. Переменными в этом процессе становятся культурно-политические особенности, а также социальный и медийный ландшафт. В противовес контрнарратив формируется по принципу идентификации доминирующей истории, формирования альтернативного сообщения, привлечения сторонников и последующего воспроизведения.

Описанные последовательности воспроизводимы как в различных исторических контекстах, так и в сегодняшних реалиях. Однако в современном мире проблематика нарративов (и контрнарративов) находится в активной динамике из-за преобразования природы информационной среды. За нарративами сохраняется роль в формировании общественного мнения, но процесс их формирования усложняется. Ключевую роль в этом играет становление субъектно-субъектной среды [Там же, с. 94], где происходит взаимодополняемое и итеративное взаимодействие двух параллельных коммуникаторов (источника и получателя сообщения). При этом последними могут выступать не только классическая связка пропагандистов и контрпропагандистов. Сюда относится взаимодействие пропагандистов и обычных пользователей сети, воспринимающих и активно реагирующих на поступающую информацию, а соответственно, и на сам нарратив.

Все эти особенности пространства и процесса формирования нарративов определяют сегодняшний ландшафт информационного противоборства, происходящего между Россией и Западом. Представленная структура нарративов, равно как и обозначенные переменные, выступают основой для дальнейшей интерпретации актуального опыта в рамках информационного противоборства.

Основные нарративы и контрнарративы в информационном противоборстве России и Запада

Конфликтное информационное пространство, сформировавшееся между Россией и Западом и ставшее результатом расхождения ценностных и стратегических приоритетов, оформилось на рубеже 2000-х и 2010-х гг. и кристаллизировалось в результате событий на Украине в 2014 г. Причиной обострения информационных противоречий закономерно стал новый виток конфронтации в 2022 г. вместе с началом специальной военной операции (СВО). Ниже приведено систематическое отражение некоторых наиболее важных нарративов и контрнарративов, ставших результатом информационного противоборства после начала СВО.

Основные российские нарративы

В наиболее обобщенной форме основными российскими нарративами в информационном противоборстве России и Запада стали: *переход от однополярного мира к многополярному, осуждение неоколониализма и использования двойных стандартов на международной арене странами Запада*. Указанные нарративы нашли отражение, например, в высказываниях Президента России В. В. Путина, который, в частности, подверг критике нарратив Запада «порядка, основанного на правилах»: «...если этих правил никто не видел, это значит, что те, кто говорит об этом, сами придумывают эти правила от случая к случаю так, как им это выгодно. В этом и есть колониальный подход»¹.

Основными чертами нарративов перехода от однополярного мира к многополярному и осуждения неоколониализма, которые можно обнаружить в заявлениях президента, являются:

1. Борьба против разделения людей и стран на представителей «элиты» и «второго сорта»: «...когда они говорят, что они исключительные в Соединенных Штатах, это значит, что вторые, другие люди, все люди какого-то другого, “второго сорта”. ...Это и есть рудименты колониального мышления...».
2. Идея эгалитаризма: «Мы исходим из того, что все люди равны, все имеют одинаковые права, права и свободы одной страны и одного народа заканчиваются там, где появляются права и свободы другого человека или целого государства. Вот так постепенно и должен рождаться многополярный мир»².
3. Образ правящих кругов стран Запада как непримиримых противников формирования многополярного мира, сторонниками которого являются государства БРИКС (заявление Президента России на саммите БРИКС в ЮАР³).
4. Стремление России к негегемонистическому интеллектуальному лидерству как способность привлекать сторонников объективными достижениями в интеллектуальной сфере. С этим посылом коррелирует нарратив России как инновационной державы [3] в противовес нарративу Запада о ее «отсталости». Фокус нарратива ставится на работе на опережение: «...требуется действовать нелинейно, быть в прямом смысле первопроходцами»⁴. В российских СМИ нарратив инновационности представлен материалами о проблемах развития экономики России и развития инноваций, проблемах инновационного бизнеса, взаимосвязи науки и инноваций, рыночных условиях для их развития [Там же].

Названные особенности российского нарратива, закладываемые президентом, реплицируются в заявлениях уже на уровне дипломатического ведомства. Формирование нового многополярного мира сталкивается с сопротивлением со стороны Запада, заявил министр иностранных дел России С. В. Лавров на встрече глав МИД G20 в феврале 2024 г.⁵ Следовательно, констатируется не автоматическое торжество многополярности и поражение неоколониализма, а процесс острой борьбы.

¹ Интервью Медиакорпорации Китая [Электронный ресурс] // Президент России. 16.10.2023. URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/72508> (дата обращения: 07.12.2025).

² Там же.

³ Путин назвал сторонников и противников многополярного мира [Электронный ресурс] // РБК. 24.08.2023. URL: <https://rbc.ru/politics/24/08/2023/64e720cd9a7947f165377a24> (дата обращения: 07.12.2025).

⁴ В. Путин: России нужно за короткий срок вывести на новый уровень собственные технологии [Электронный ресурс] // ТАСС. 08.02.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16996073> (дата обращения: 07.12.2025).

⁵ Лавров: Процесс формирования многополярного мира сталкивается с сопротивлением [Электронный ресурс] // Российская газета. 22.02.2024. URL: <https://rg.ru/2024/02/22/lavrov-process-formirovaniia-mnogopolarnogo-mira-stalkivaetsia-s-soprotivleniem.html?ysclid=lupq5vle8m729645680> (дата обращения: 07.12.2025).

Многие российские нарративы находят отражение и на страницах социальных сетей. При помощи языка программирования Python нами был осуществлен поиск в сообществах «ВКонтакте» постов, в которых встречается ключевое слово «неоколониализм». В результате было собрано свыше 215 тыс. постов.

Дальнейший частотный анализ контента указанных постов позволил выделить следующие достаточно устойчивые нарративы: «мягкая сила», «Америка уходит», «Франция уходит», «выкачивать ресурсы», «здравствовать президент».

Таким образом, базовая концептуальная метафора российского нарратива — это многополярность как достойная и необходимая замена «гегемонистскому миру». Донорской зоной является миропорядок как таковой, а реципиентной областью оказывается несправедливая репрезентация интересов различных групп мирового сообщества. Следовательно, общая коннотация метафоры негативная, а разделение на «Мы» / «Они» происходит по линии поддержки многополярности.

Однако сегодня в российском информационном поле тематика, связанная с неоколониализмом и борьбой с гегемонистскими устремлениями Запада, не является доминирующей. Как показало проведенное нами исследование, сегодня основные нарративы связаны с проведением специальной военной операции. За период 2024–2025 гг. нами было собрано 148 278 постов, которые в своих текстах содержат данную ключевую фразу. При этом обращает на себя внимание иллюстрируемое в рамках социальной сети доминирующее единение русского народа перед лицом общего врага. Так, в той оценке, которую дают люди происходящим на Украине событиям, преобладают следующие нарративы: «США враг», «Вашингтон за убийство», «наша независимость», «наша страна», «наше отечество», «русский человек», «погибнуть ребенок», «нанести поражение».

Таким образом, базовые концептуальные метафоры российского нарратива, связанного с событиями на Украине, — это опосредованный конфликт с США и борьба за будущее русского мира. А разделение на «Мы» / «Они» происходит по линии поддержки специальной военной операции.

Западные нарративы

Проявление конфликтности нарративов со стороны Запада имеет менее глобальный характер в сравнении с Россией. Речь идет чаще не о глобальном переустройстве системы, а об устранении помех для работы старого режима, центральной из которых выступает текущая политика России. Поэтому одним из основных нарративов Запада выступают метафоры «наказания России за агрессию против Украины» через привлечение к ответственности и «нанесение России стратегического поражения». Эти нарративы используются (за редким исключением) западными элитами, разного рода международными объединениями и ведущими СМИ. Ключевыми их элементами являются:

- осуждение «российской агрессии»: Россия осуждается за ее «вторжение» на Украину и «нарушение» международного права;
- санкции против России: в отношении России вводятся санкции, чтобы «наказать за ее действия и заставить изменить свое поведение»;
- расследование военных преступлений: расследуются предполагаемые военные преступления, совершенные российскими войсками на Украине, и виновных обещают привлечь к ответственности;
- репарации и компенсации: Россия должна выплатить репарации и компенсации Украине за ущерб, причиненный ее действиями.

Следует отметить, что нарративы наказания России имеют конкретизацию для отдельных категорий российских граждан. Например, авторы статьи, опубликованной на страницах Foreign Policy, полагают, что «вторжение России на Украину должно изменить представления теоретиков и прокуроров об индивидуальной ответственности в военное время. [...] идея теории справедливой войны о том, что обычные солдаты не могут быть наказаны только за участие в боевых действиях, должна быть пересмотрена или даже отвергнута»¹. Таким образом, осуществляется нарративное воздействие на военнослужащих, участвующих в СВО.

¹ Clapham A. Russian Soldiers in Ukraine Should Be Prosecuted for Aggression [Электронный ресурс] // Foreign Policy. 2023, February 24. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/02/24/ukraine-russia-war-crimes-trial-putin-military/> (дата обращения: 14.12.2025).

Элемент осуждения проявлялся и в призывах к российским дипломатам к протесту против СВО. При этом такие известные издания, как Newsweek, активно использовали отдельные заявления несогласных с СВО, в частности, бывшего главы МИД РФ (1990–1996 гг.) А. Козырева¹.

Частью нарратива выступает и дестабилизация целевых групп, как в случае с предположениями о преследовании влиятельных бизнес-лидеров в критически важных отраслях. Данная история распространяется через широкую сеть изданий на массовые аудитории^{2, 3}, социальные сети, а также отражена в тематической статье в Wikipedia⁴. Подобная метафора — явный дискурсивный импульс для выезда из России предпринимателей или их сближения с органами власти стран для релокации. Следовательно, в таком нарративе заложена задача дестабилизации общественно-политической и экономической ситуации.

Деконструкция нарратива указывает, что концептуальная метафора западного нарратива — это образ России как агрессора и угрозы современной мировой системы. Донорской зоной являются отдельные фрагменты миропорядка, связанные с подрывом авторитета Запада, а реципиентной областью — статус России как источника дестабилизации. Итоговая общая коннотация метафоры негативная, а разделение на «Мы» / «Они» происходит по линии поддержки осуждения России.

Формируемые контрнарративы

Основной частью российского контрнарратива на западное информационное влияние выступает самостоятельная нарративная линия по вопросам СВО, где отмечено, что *цели России в СВО — освобождение Донбасса и других оккупированных территорий в ряде новых регионов РФ, а также демилитаризация и денацификация Украины*. Российский контрнарратив на западную метафору о наказании за агрессию определяет СВО как вынужденную меру, необходимую для защиты ее собственной безопасности и национальных интересов в ответ на экспансию НАТО на Восток и вмешательство Запада во внутренние дела Украины. Ключевыми элементами этого контрнарратива являются:

- поэтапный процесс расширения НАТО на Восток вразрез с прежними вербальными обещаниями Запада. Особенно возможное включение Украины в НАТО представляет угрозу безопасности России, что вынудило ее принять меры для защиты своих национальных интересов;
- нацистская угроза и роль крайних националистов в государственных структурах Украины после переворота 2014 г., а также гонения против русскоязычного населения обуславливают необходимость денацификации и демилитаризации Украины;
- Запад спровоцировал конфликт на Украине, активно участвуя в государственном перевороте 2014 г., поддерживая антироссийские правительства в Киеве и поставляя оружие украинским военным [8];
- нелегитимность санкций и их направленность против населения России. Санкции, введенные против нее Западом, являются незаконными и несправедливыми. Они направлены на то, чтобы наказать Россию за ее независимую внешнюю политику;
- Россия — жертва агрессии Запада. Запад пытается окружить и изолировать ее, а также подорвать ее суверенитет через санкции.

Все элементы контрнарратива гармонично сочетаются с базовым нарративом России о многополярности и стремлении отстаивать ее на практике. Кроме того, контрнарратив основан на провозглашаемых интересах безопасности России. Российский контрнарратив западному нарративу о наказании России за агрессию, вероятно, будет доминирующим в российском дискурсе в ближайшие месяцы и годы. Обеспечивается это его ощутимой поддержкой как в России, так и за ее пределами.

¹ Cole B. Russia's diplomats should resign over Putin's war, says exforeign minister // Newsweek, March 18, 2022.

² Russian businessmen keep dying. No one knows why [Электронный ресурс] // Vox. Oct. 14, 2022. URL: <https://vox.com/world/2022/10/14/23388516/russian-businessmen-oligarchs-putin-mysterious-deaths-windows> (дата обращения: 07.12.2025).

³ Roth A. The mysterious, violent and unsolved deaths of Putin's foes and critics [Электронный ресурс] // The Guardian, February 16, 2024. URL: <https://www.theguardian.com/world/2024/feb/16/the-mysterious-violent-and-unsolved-deaths-of-putins-foes-and-critics-alexi-navalny?ref=mc.news> (дата обращения: 14.12.2025).

⁴ Suspicious deaths of Russian business people (2022–2024) [Электронный ресурс] // Wikipedia*. URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/Suspicious_deaths_of_Russian_businesspeople_\(2022%E2%80%932024\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Suspicious_deaths_of_Russian_businesspeople_(2022%E2%80%932024)) (дата обращения: 09.04.2025). * РКН: иностранный владелец ресурса нарушает закон РФ.

Существуют и другие нарративы Запада в информационном противоборстве с Россией: Россия является непримиримым «врагом», который «пытается подорвать безопасность и процветание» стран Запада; Россия — изгой на международной арене; Россия несет огромные потери на Украине; Россия ничего не производит и живет за счет экспорта природных ресурсов; в России нет демократии. Они также продолжают линию базовой метафоры о России как о дестабилизаторе международной системы, дополняя ее негативно окрашенными метафорами.

В противовес Россией используются следующие вспомогательные контрнарративы: Запад использует любые конфликты в мире для борьбы с Россией; РФ готова завершить конфликт на Украине мирным путем, но Киев этого не захотел; западные элиты стремятся заморозить несправедливое положение дел в международных делах. Об этом свидетельствуют такие метафоры президента России как «набивать брюхо человеческой плотью» и «бал вампиров»¹, используемые применительно к западным элитам.

Таким образом, информационное противоборство России и Запада изобилует эмоционально окрашенными нарративами. Все они вписаны в комплексную коммуникативную структуру, в которой выделяется базовый нарратив или метафора и сопряженные с ним дополнительные, ситуативные или контекстуальные нарративы. В каждом случае отмечается четкое обозначение разделительной линии «Мы» / «Они», а также превалирует негативная коннотация метафор.

Способы повышения эффективности российских нарративов

В контексте деятельности внешнеполитических структур России следует отметить некоторые возможные средства повышения эффективности российских нарративов и контрнарративов. Одним из ключевых методов может стать сосредоточение на ключевых аудиториях, таких как лица, принимающие решения, СМИ и общественность. Помимо общих посланий для всех аудиторий, необходимы послания целевым аудиториям. Например, общее послание об успехах России (при критическом признании серьезных проблем) в социально-экономическом развитии может сопровождаться продуманной группой посланий конкретным аудиториям.

Так, в частности, иностранным турфирмам и инвесторам можно показать реальные успехи в развитии Москвы (пример: столица России заняла третье место среди 29 крупнейших городов мира в 2022 г. в рейтинге программы по населенным пунктам Организации Объединенных Наций)². Дополняющей практикой выступает использование убедительных доказательств и фактов. Использование конкретных примеров, статистических данных и экспертных оценок повысит достоверность и убедительность.

Для максимального охвата России требуется расширение многоканального подхода к распространению своих нарративов. Это включает в себя классическую парадигму использования традиционных СМИ, социальных сетей, веб-сайтов и других цифровых платформ, а также новейших средств коммуникации, вплоть до синтетических медиа, генеративных сетей и чат-ботов. При сочетании с многоканальностью эмоциональное воздействие может быть мощным дополняющим инструментом в информационном противоборстве. При этом эмоциональное воздействие не должно противоречить обозначенному ранее тезису о фактической убедительности и достоверности. Эмоции выступают дополнением, а не заменой рационалистскому дискурсу, так как антиподом фактам являются не эмоции (как часто ошибочно указывается в характеристиках постправды), а неverified мнения.

Перспективным компонентом должно стать и использование культурных активов в рамках коммуникации. В этом контексте, однако, важно учитывать, что западные нарративы активно эксплуатируют российское культурное наследие, например, литературное творчество и мировоззрение Л. Н. Толстого³. Контрапунктом может выступить идея, что российская культура пополнялась идеями европейских

¹ Путин высказался о западных элитах [Электронный ресурс] // РИА Новости. 13.03.2024. URL: <https://ria.ru/20240313/elity-1932642795.html> (дата обращения: 08.12.2025).

² Москва вошла в тройку лучших мегаполисов мира в рейтинге ООН [Электронный ресурс] // РБК. 03.02.2022. URL: <https://rbc.ru/rbcfreenews/61fbc3189a79476f32c7780c?ysclid=lupmc78qd5614519953> (дата обращения: 07.12.2025).

³ Tamny J. Leo Tolstoy the libertarian: Yet another look at the Great War and Peace [Электронный ресурс] // Forbes. May 3, 2023. URL: <https://www.forbes.com/sites/johntamny/2023/05/03/leo-tolstoy-the-libertarian-yet-another-look-at-the-great-war-and-peace/?sh=79700e381c94> (дата обращения: 14.12.2025).

и американских мыслителей, писателей в разные исторические периоды (Дж. Лондона, Г. Уэллса, Э. Хемингуэя, О. Шпенглера и др.), в чьих произведениях можно также найти подходящие для контрнарратива метафоры. Они критически рассматривали Западную цивилизацию и фиксировали проявления ее дивергенции.

Сложным в реализации, но высоким по эффективности может стать партнерство с союзниками и сторонниками, включая скоординированные информационные кампании. Представляется важным делать акцент на значимых деятелях науки и культуры, с которыми работать сложнее, но эффект воздействия может окупить усилия. В совокупности с партнерством идет мониторинг и оценка. Необходимо регулярно отслеживать и оценивать эффективность российских нарративов. Это поможет скорректировать стратегию по мере необходимости. Последний пункт неизбежно ведет к необходимости использования современных интеллектуальных технологий для анализа больших объемов цифровых данных, чтобы выявлять тенденции и отклик целевой аудитории; для создания персонализированного контента; для выявления и противодействия дезинформации и недостоверным нарративам.

Таким образом, целая совокупность мер позволяет поднять эффективность российских нарративов и контрнарративов, снизив тем самым влияние враждебных метафор. Важен комплексный подход, включающий как реальные показатели российского лидерства, так и внедрение комплексных коммуникативных практик и технологий.

Заключение

Как показало исследование ключевых российских и западных метафор, нарративы позволяют не только объяснять и оправдывать конкретные политические действия, но и создавать устойчивые дискурсивные конструкции, влияющие на восприятие событий и легитимизацию действий государств. Особую значимость имеют контрнарративы, которые могут служить инструментом дестабилизации доминирующих дискурсов. Именно они становятся ключевым информационным ресурсом в противостоянии России и Запада.

Информационная среда XXI в. в целом характеризуется высоким уровнем неопределенности, что усложняет процесс формирования устойчивых нарративов. Это создает вызовы для государств. По этой причине изучение дискурсивного пространства остается актуальным направлением в понимании современного противостояния. Комплексный подход, включающий анализ медийных, социальных и политических практик, необходим для разработки эффективных стратегий коммуникации и противодействия информационным атакам.

Список литературы

1. *Агнестикова О. И.* Отражение стратегического нарратива противостояния в негосударственных онлайн-медиа // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, № 2. С. 166–171. EDN: GSRVPL. DOI: 10.18500/1817-7115-2023-23-2-166-171
2. *Ачкасова В. А., Мельник Г. С.* Пропагандистский дискурс в условиях цифровизации. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2023. 424 с. ISBN 978-5-288-06316-9. EDN: KPDSHN
3. *Вольчик В. В., Маслюкова Е. В.* Нарративы о российской инновационной системе в средствах массовой информации // Terra Economicus. 2023. № 21 (4). С. 25–37. EDN: BMOTTR. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-4-25-37
4. *Звоновский В. Б., Ходыкин А. В.* Отражение культурной власти геополитического нарратива в коллективных представлениях россиян о специальной военной операции // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 38–53. EDN: IGHNKE. DOI: 10.31857/S013216250021524-9
5. *Козлов А. В.* Медиагигиена массово-информационного пространства в условиях специальной военной операции на Украине и военного положения // Военный академический журнал. 2023. № 3 (39). С. 115–120. EDN: NIVINP

6. Кудрявцева З. Г. Виды нарративов в политическом дискурсе // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 4 (43). С. 142–146. EDN: WGATEG. DOI: 10.36622/AQMPL.2021.60.37.021
7. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. : Институт экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя, 1998. 160 с.
8. Пашенцев Е. Н. Стратегическая провокация «Украина». М. : Международный центр социально-политических исследований и консалтинга, 2014. 144 с.
9. Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике / пер. с франц., вступ. ст. и коммент. И. С. Вдовиной. М. : Академический Проект, 2008. 695 с. ISBN 978-5-8291-1025-3
10. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия» ; Университетская книга, 2004. 416 с.
11. Barrinha A., Turner R. Strategic Narratives and the Multilateral Governance of Cyberspace: The Cases of European Union, Russia, and India // Contemporary Security Policy. 2024. Vol. 1. P. 72–109. EDN: OYCWHS. DOI: 10.1080/13523260.2023.2266906
12. Faizullaev A., Cornut J. Narrative Practice in International Politics and Diplomacy: The Case of the Crimean Crisis // Journal of International Relations and Development. 2017. Vol. 20, No. 3. P. 578–604. EDN: XNCENL. DOI: 10.1057/jird.2016.6
13. Fridrichová K. Mugged by Reality: Russia's Strategic Narratives and the War in Ukraine // Defense & Security Analysis. 2023. Vol. 39, No. 3. P. 281–295. EDN: MFRGIP. DOI: 10.1080/14751798.2023.2201018
14. Hellstrom J., Puranen M., Kytoneva S., Kallioniemi P. Are Russian Narratives Amplified by PRC Media? A Case Study on Narratives Related to Sweden's and Finland's NATO Applications. Riga : NATO Strategic Communications Centre of Excellence, 2024. 48 p. ISBN 978-9934-619-59-5.
15. Kordan B. Russia's War Against Ukraine: Historical Narratives, Geopolitics, and Peace // Canadian Slavonic Papers. 2022. Vol. 64, No. 2–3. P. 162–172. EDN: AXVAWR. DOI: 10.1080/00085006.2022.2107835
16. Kuusisto R. International Relations Narratives: Plotting World Politics. London; New York : Routledge, 2019. 160 p. ISBN 9780429397721. DOI: 10.4324/9780429397721
17. Maan A. Narrative Warfare. Independently published, 2024. 87 p. ISBN: 979-8874309961.
18. Myasnikov S. A. Legitimisation of Russia's Special Foreign Policy Operations: Strategic Narratives of Russian Officials // Bulletin of Perm University. Political Science. 2022. Vol. 16, No. 4. P. 105–117. EDN: FNMKOC. DOI: 10.17072/2218-1067-2022-4-105-117
19. Tóth-Czifra A. Controlling the Narrative. A Roadmap to Russia's 2024 Presidential Elections. Philadelphia : Foreign Policy Research Institute, 2023. 34 p. URL: <https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2023/12/24controlling-the-narrative-.pdf>

Об авторах:

Пашенцев Евгений Николаевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Дипломатическая академия Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Российская Федерация); профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: icspsc@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5487-4457

Колотаев Юрий Юрьевич, кандидат политических наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: yury.kolotaev@mail.ru; ORCID 0000-0001-8372-1193

Панцеров Константин Арсеньевич, доктор политических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: pantserev@yandex.ru; ORCID 0000-0002-2164-9525

References

1. Agnistikova, O. I. Reflection of the Strategic Narrative of Confrontation in Non-Governmental Online Media // *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*. 2023. Vol. 23, No. 2. P. 166–171. (In Russ.) EDN: GSRVPL. DOI: 10.18500/1817-7115-2023-23-2-166-171
2. Achkasova, V. A., Melnik, G. S. Propaganda Discourse in the Context of Digitalization. St. Petersburg : St. Petersburg State University, 2023. 424 p. ISBN 978-5-288-06316-9. (In Russ.) EDN: KPDSHN
3. Volchik, V. V., Maslyukova, E. V. Narratives about the Russian Innovation System in the Mass Media // *Terra Economicus*. 2023. Vol. 21, No. 4. P. 25–37. (In Russ.) EDN: BMOTTR. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-4-25-37
4. Zvonovsky, V. B., Khodykin, A. V. Reflection of the Cultural Power of the Geopolitical Narrative in the Collective Perceptions of Russians about the Military Operation in Ukraine // *Sociological Studies*. 2022. No. 11. P. 38–53. (In Russ.) EDN: IGHNKE. DOI: 10.31857/S013216250021524-9
5. Kozlov, A. V. Media Hygiene of the Mass Information Space under the Conditions of the Special Military Operation in Ukraine and Martial Law // *Military Academic Journal*. 2023. No. 3 (39). P. 115–120. (In Russ.) EDN: NIVIHP
6. Kudryavtseva, Z. G. The Types of Narratives in Political Discourse // *Actual Issues of Modern Philology and Journalism*. 2021. No. 4 (43). P. 142–146. (In Russ.) EDN: WGATEG. DOI: 10.36622/AQMJPJ.2021.60.37.021
7. Lyotard, J.-F. The Postmodern Condition / trans. by N. A. Shmatko. Moscow : Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg : Aleteyya, 1998. 160 p. (In Russ.)
8. Pashentsev, E. N. Strategic Provocation “Ukraine”. Moscow : International Center for Socio-Political Research and Consulting, 2014. 144 p. ISBN: 978-5-8291-1025-3. (In Russ.)
9. Ricoeur, P. The Conflict of Interpretations: Essays on Hermeneutics / trans., introd. & comment. by I. S. Vdovina. Moscow : Academic Project, 2008. 695 p. ISBN: 978-5-8291-1025-3. (In Russ.)
10. Foucault, M. The Archaeology of Knowledge / trans. by M. B. Rakova, A. Yu. Serebryannikova; introd. by A. S. Kolesnikov. St. Petersburg : IC Academy of Humanities : University Book, 2004. 416 p. (In Russ.)
11. Barrinha, A., Turner, R. Strategic Narratives and the Multilateral Governance of Cyberspace: The Cases of European Union, Russia, and India // *Contemporary Security Policy*. 2024. Vol. 1. P. 72–109. EDN: OYCWHS. DOI: 10.1080/13523260.2023.2266906
12. Faizullaev, A., Cornut, J. Narrative Practice in International Politics and Diplomacy: The Case of the Crimean Crisis // *Journal of International Relations and Development*. 2017. Vol. 20, No. 3. P. 578–604. EDN: XNCENL. DOI: 10.1057/jird.2016.6
13. Fridrichová, K. Mugged by Reality: Russia’s Strategic Narratives and the War in Ukraine // *Defense & Security Analysis*. 2023. Vol. 39, No. 3. P. 281–295. EDN: MFRGIP. DOI: 10.1080/14751798.2023.2201018.
14. Hellstrom, J., Puranen, M., Kytoneva, S., Kallioniemi, P. Are Russian Narratives Amplified by PRC Media? A Case Study on Narratives Related to Sweden’s and Finland’s NATO Applications. Riga : NATO Strategic Communications Centre of Excellence, 2024. 48 p. ISBN 978-9934-619-59-5.
15. Kordan, B. Russia’s War against Ukraine: Historical Narratives, Geopolitics, and Peace // *Canadian Slavonic Papers*. 2022. Vol. 64, No. 2–3. P. 162–172. EDN: AXVAWR. DOI: 10.1080/00085006.2022.2107835
16. Kuusisto, R. International Relations Narratives: Plotting World Politics. London; New York : Routledge, 2019. 160 p. ISBN 9780429397721. DOI: 10.4324/9780429397721
17. Maan, A. Narrative Warfare. Independently published, 2024. 87 p. ISBN 979-8874309961.
18. Myasnikov, S. A. Legitimation of Russia’s Special Foreign Policy Operations: Strategic Narratives of Russian Officials // *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2022. Vol. 16, No. 4. P. 105–117. EDN: FNMKOC. DOI: 10.17072/2218-1067-2022-4-105-117
19. Tóth Czifra, A. Controlling the Narrative. A Roadmap to Russia’s 2024 Presidential Elections. Philadelphia: Foreign Policy Research Institute, 2023. 34 p. [Electronic resource]. URL: <https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2023/12/24controlling-the-narrative-.pdf> (accessed: 07.04.2025).

About the authors:

Evgeny N. Pashentsev, Doctor of Science (History), Professor, Chief Researcher, Diplomatic Academy of the Moscow State Institute of International Relations of the Russian Ministry of Foreign Affairs (Moscow, Russian Federation); Professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation); e-mail: icspsc@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5487-4457

Yury Yu. Kolotaev, PhD in Political Sciences, Senior Lecturer, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation); e-mail: yury.kolotaev@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8372-1193

Konstantin A. Pantserov, Doctor of Science (Political Sciences), Professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation); e-mail: pantserov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2164-9525

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Пашенцев Е. Н., Колотаев Ю. Ю., Панцеров К. А., 2026